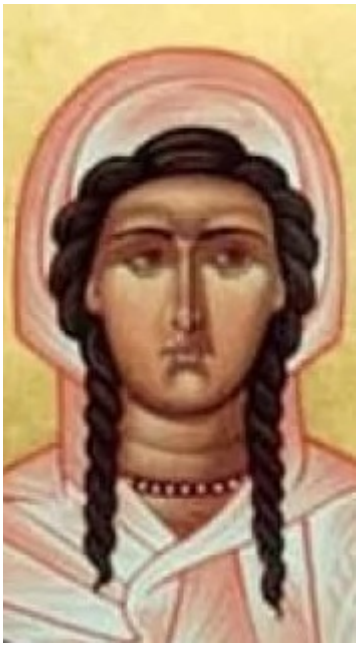
04.04.2012 г. / 18:32:41

Вяра

17.04 по еретическия, †04 април по църковния календар - Св. мъченица Фервута. Св. преподобни Зосима

Страданието на света мъченица Фервута († 341-343 гг.)

След мъченическата кончина на персийския епископ свети Симеон, с която той пострадал от ръцете на цар Сапор*, двете негови сестри: едната девица, на име Фервута, другата - вдовица, останали живи, а с тях и една робиня.

**Сапор II бил персийски цар от 309 г. до 381 г. Християнството в Персия съществувало от по-ранен период. Император Константин Велики писал до Сапор в защита и подкрепа на християнството. Но персийските влъхви (магове) следели с тревога разрастването на божествената вяра и когато започнала война между Сапор и Констанций, те наклеветили пред царя християните, обвинявайки ги в предателство и верност към Византия. Вследствие на това Сапор започнал гонение, налагайки на верните особено тежък данък. После бил заловен и епископ Симеон, от който царя поискал да се подчини и да признае националната езическа религия. Когато архиерея отказал, той бил затворен в тъмница, а после убит. Гоненията над*

християните се усилили в последните години от царстването на Сапор.

Светата дева Фервута била още много млада и се отличавала с необикновена красота. Като чула за нейната красота, персийската царица, жената на Сапор, заповядала да я доведат при нея. И така, след като изминала една година от убийството на светия епископ Симеон, царските слуги довели светата дева Фервута заедно с нейната сестра и робинята при царицата. Като видяла с очите си чудната красота на Фервута, царицата се обърнала към нея със следните думи:

- С твоята красота, девойко, трябва да бъдеш господарка на много хора!

А света Фервута отвърнала:

- Аз си имам жених - Христос, заради Когото пострада и моят брат; за друг жених дори не искам да помисля!

Без да разпитва Фервута повече за нищо, царицата ѝ заповядала заедно със сестра си и робинята засега да останат в царския дворец.

На другия ден сутринта царицата внезапно се разболяла. За нейното лечение в двореца пристигнали персийски влъхви. Един от тях, като видял в палата на царицата прекрасната Фервута, останал поразен от красотата ѝ; веднага след като излязъл от царицата, влъхвата изпратил при светата дева да кажат следното:

- Ако се съгласиш да станеш моя жена, ще помоля царицата да те пусне на свобода и ще притежаваш големи богатства.

А света Фервута му отвърнала:

- Аз съм християнка и не мога да встъпя в брак с езичник.

Влъхвата, пленен от красотата на Фервута, се почувствал търде унизен от този отговор и се разгневил. Като се представил на цар Сапор, той му казал:

- Болестта на царицата не е случайна: на нея ѝ е дадена някакава отрова. В палатите на царицата има две сестри християнки, чиито брат - християнският епископ Симеон - беше убит по твоя заповед. Без съмнение, сестрите на убития епископ, които живеят в двореца, от злоба към тебе, са поднесли отрова на твоята царица.

Царят веднага заповядал да доведат сестрите на разпит.

Когато трите жени - света Фервута, сестра ѝ и робинята - били въведени в царския палат, то по заповед на царя при тях влязъл за разпит началникът на влъхвите Мавптис заедно с двама други сановници. Когато тримата съдии влезли и седнали на местата си, споменатите три жени били изправени пред тях за разпит. Но призованите съдии, щом зърнали необикновената красота на света Фервута, пламнали от похот към нея, като същевременно криели един от друг своите мръсни помисли. След това съдиите започнали да разпитват доведените жени:

- Защо сте отровили царицата, владетелката на вселената? За тази постъпка заслужавате смърт!

- Защо - отговорила света Фервута от името на трите жени - сатаната е сложил в сърцата ви тази неправилна мисъл и за какво искате несправедливо да ни обезчестите? Ако сте жадни за нашата кръв, няма кой да ви попречи да я пиете. Ако искате да ни умъртвите, нямате никакви пречки: нали ежедневно с това оскверняват ръцете си. Ние като християни умираме за Христа - нашия Бог, без да се отричаме от Него, защото Той е нашият живот; като е предписано да се покланяме и служим на Единия Бог, така и ще постъпваме. В нашите книги пише

също и това, че влъхва и магьосник не трябва да живее, а да бъде умъртвен от ръцете на съплеменниците си. Как бихме могли да приготвим отрова за когото и да било, щом като знаем, че такава постъпка никак не е по-малко престъпление от това - да се отрече някой от нашия Бог, защото и за двата тези гряха еднакво го очаква смъртно наказание!

Така говорела света Фервута, а съдиите с удоволствие я слушали, дивейки се на нейната красота и мъдрост, и се чувствали безсилни да възразят каквото и да било на нейните думи. Всеки от тях си мислел: “Аз ще измоля от царя да освободи тези жени от смърт и ще си взема девицата за жена”. И единствено Мавптис успял да каже:

- Дори и законът да ви забранява да чародействате, въпреки това бихте могли да сте го направили като отмъщение за смъртта на вашия брат.

На което света Фервута отвърнала:

- Наистина, брат ни пострада от вас; но дори като възмездие за неговата смърт да бяхме пожелали смъртта ви, бихме погубили своя живот пред нашия Бог. Въпреки че разпалвани от ярост вие убихте брат ни, той е жив и се радва с Христа в Неговото небесно Царство - в сравнение с това Царство вашето е нищо!

Когато светицата изрекла тези думи, князете заповядали да отведат и трите жени в тъмницата.

Рано сутринта на другия ден началникът на влъхвите Мавптис тайно изпратил слугата си в тъмницата при света Фервута, като му поръчал да каже следното:

- Ето, готов съм да измоля от царя ти и тези, които са с тебе, да останете живи, ако само се съгласиш да ми станеш жена.

Светата дева дръзновено отвърнала на това:

- Ти си враг на Бога и на всяка истина! Затвори си устата и повече не се осмелявай да ми говориш такива безчестни думи! Не мога вече да ги слушам! Никога няма да стане това, което искаш! Веднъж завинаги съм съчетала себе си с моя Господ Иисус Христос, заради Когото пазя своето девство и заради Когото се старая да опазя чиста вярата си. Единствено той, свободният от грях, е силен да ме освободи от ръцете на вашето безчестие и може да ме избави от коварствата, които ми устройвате. Аз не се страхувам от смъртта и не се боя от кръв. Пътят, по който искате да ме поведете, ще ме отведе при моя обичан брат, светия епископ Симеон. Там ще намеря утеха от моята скръб и печал, които особено силно изпитвам след смъртта му.

По такъв начин светата Христова невеста Фервута дръзновено отпъдила от себе си пратения от Мавптис човек и накарала самия Мавптис да се засрами. По същия начин постъпила и с другите двама съдии, пленени от красотата ѝ. Всеки от тях също изпращал тайно в тъмницата своите пратеници, като се опитвал да съблазни света Фервута да встъпи в брак с него. Но никой не постигнал успех и били посрамени от светицата.

След като и тримата съдии забелязали у всеки от тях страстта към светата дева, като видели, че всичките им опити да я завладеят остават безуспешни, решили на всяка цена да погубят тази света девица и жените с нея. За тази цел отишли при царя и му доложили, че трите жени християнки са вълшебници и магьосници и поради това заслужават смърт. Царят казал, че те трябва да се поклонят на слънцето, ако искат да останат живи.

Светите мъченици отново били изведени на съд пред същите съдии и като изслушали царската заповед - да се поклонят на

слънцето - отвърнали:

- Ние се покланяме на Бога - Творец на небето и земята; а пък на слънцето, творение на нашия Бог, не можем да отдадем такива почести, каквито въздаваме Богу. Никакви ваши заплахи няма да ни принудят да се откажем от любовта към нашия Господ и Бог Иисус Христос.

Докато още светите жени произнасяли тези думи, Мавптис и другите двама съдии с него на висок глас завикали:

- Нека да изчезнат от лицето на земята тези три жени, които са дали отрова на царицата и са причинили страшната болест!

Царят незабавно издал смъртна присъда над светите мъченици, според която трите жени християнки трябвало да умрат от такава смърт, каквато персийските влъхви пожелаят да изобретят за тях. А нечестивите влъхви казали:

- Ако тези жени не бъдат разсечени на две половини и ако царицата не мине през разсечените половини на техните тела, тя няма да може да оздравее.

След това, като повели светите мъченици, за да ги разсекат на две, Мавптис отново изпратил при светата дева Фервута слугата си, да каже от негово име:

- Ако поискаш да ме послушаш, няма да умреш; няма да умрат също и жените, които са с тебе.

- Защо ти, нечестивецо - го укорила гневно светата дева, - ми говориш това, което не мога да слушам? Аз силно желая да умра за Христа, моя Бог, та да получа от Него вечен живот. Нима ще възлюбя временния живот, за да умра за вечния?

След това нечестивите мъчители извели светите мъченици извън града и там приготвили за всяка от тях по два забити в земята стълба.

После привързали светата дева Фервута към единия от стълбовете за шията, а към другия за краката. По същия начин привързали и другите две свети мъченици към стълбовете. След това с голям трион разрязали на две половини светите мъченици. Така те, Христовите невести, предали чистите си души в ръцете на своя безсмъртен Жених.

Мъчителите пък, като забили шест големи стълба - по три от всяка страна на пътя, - окачили на тях разрязаните части от телата на светите мъченици. Това било зрелище, изпълнено с ужас и достойно за плач. После по същия път пренесли между окачените тела нечестивата персийска царица, след която вървяло огромно множество народ. След това хвърлили честните тела на светите мъченици в един ров.

Така света мъченица Фервута заедно със сестра си и робинята им завършили на четвъртия ден от месец април своите страдания за нашия Господ Иисус Христос, на Когото възнасяме слава, чест и поклонение във вечните времена. Амин.

В памет на преподобния Зосима († ок. 560 г.)

Свети преподобни Зосима. Фрагмент от стара българска стенопис, област Македония

Преподобният наш отец Зосима от детство почувствал желание да служи на Бога. Още в млада възраст отишъл в манастир и приел монашеско пострижение в Тир*, в Палестинската страна.

** Тир – древен град, който бил разположен близо до североизточните брегове на Мъртво море*

Като живял почтен монашески живот, той станал опитен монах и се удостоил с много откровения от Бога. Прекарвал времето в молитва и със сълзи постоянно се занимавал с ръчен труд. Но веднъж го споходила мисълта - дали ще се намери сред пустинножителите мъж, който с подвизите си да бъде по-високо от него. Тогава му се явил един непознат и казал:

- Зосима! Ти, бидейки човек, достигна висока степен на подвижничество, но никой от човеците не може да е съвършен; и за да разбереш колко много различни пътища има към спасението, излез от мястото, където се подвизаваш сега, и иди в манастира, който се намира край река Иордан.

Зосима направил така, както му било наредено, и се отправил към посочения манастир*.

** Това бил Йорданския манастир „свети Иоанн Предтеча“, който бил разорен и унищожен до 1651 г.*

В този манастир имало обичай, според който през Великия пост всички монаси излизали в пустинята на молитва, като оставяли в манастира само един вратар, а след това на Велики Четвъртък отново се събирали, за свето Причастие. Когато

дошло време, Зосима заедно с другите монаси излязъл в пустинята. Тук той видял преподобната Мария и затичал след нея, но тя му казала:

- Зосима! Ако искаш да ме видиш, хвърли ми твоята дреха.

Зосима изпълнил молбата на Мария и тя, като се покрила с дрехата, му разказала за себе си всичко, което извършила от младостта си - как отначало водила живот на блудница и как след това дошла в пустинята. После помолила Зосима на другата година да иде край Иордан със Светите Дарове. Когато минала годината, Зосима отишъл там с Тялото и Кръвта Христови.

Той видял как преподобната дошла при него през Иордан, като по сухо, и я причастил. На третата година отново отишъл в пустинята и намерил преподобната вече мъртва. От старост нямал сили да я погребе, и като видял един лъв, му казал:

- Погреби преподобната Мария, защото аз съм стар и не мога да копая.

Лъвът изровил ямата и Зосима погребал святото тяло. Като се върнал в манастира, той разказал на игумена Иоан и на всички братя за преподобната Мария и как я прославил Господ. След това нашият свят отец Зосима продължил да се подвизава в молитва, сълзи и различни други подвизи и се преставил в дълбока старост (*почти 100 годишен*). Монасите с почест погребали тялото му.

ЧЕТИ-МИНЕИТЕ

Св. преподобный Зосима Палестинский

Собеседования о том, каким путём приобретается безгневие, а также о том, чтобы иметь вещи, как бы не имея их.

Собеседование первое

Положив крестное знамение на уста, блаженный Зосима начал говорить так: «Бог-Слово, воплотившись, великую даровал благодать уверовавшим и верующим в Него. Можно и в наше время уверовать и начать это отныне, если желаем. Ибо если произволение наше возжелает и благодать повоздействует, то всякому желающему можно ни во что вменить весь мир».

Потом он взял, что попалось под руку, кажется, соломинку или щепочку, или другое что ничтожное, и прибавил: «Кто из-за этого станет браниться или спорить, злопамятствовать или убиваться скорбию, кроме разве того, кто поистине потерял ум? Человек ли Божий, преуспевающий и в предняя простирающийся в жизни по Богу, не будет всего мира иметь наравне с этою соломинкой, хотя бы действительно он обладал всем? Ибо, как я всегда говорю, не иметь вредно, а иметь с пристрастием. Кто не знает, что из всего, что имеем, ничего нет дороже для нас тела? Итак, если когда время потребует, мы имеем повеление пренебречь даже телом, не тем ли паче тем, что есть у нас кроме него? Впрочем, не следует просто и как ни попало разбрасывать свои вещи, как не следует и самого себя без разбора бросать на смерть; ибо так действовать свойственно только потерявшему ум; но надобно ожидать, когда потребует того время, чтобы тогда быть готовыми на такое дело».

При сем припоминал он о брате, имевшем овощи, и говорил: «Не сеял ли он? не трудился ли? не возращал ли? не удобрял? Но не вырывал их без разбора и не бросал; а только имел их

так, как бы не имел. Почему, когда пришел к нему один старец с намерением испытать его и начал истреблять их, он даже не показался ему, а спрятался; и когда уже оставался один корень, сказал ему: «Если желаешь, отче, оставь это и сделаем из того угощение». Из сего старей святой узнал, что он есть истинный раб Божий, а не раб овощей, и говорит ему: «Дух Божий почил в тебе, брате».

Если б он имел овощи с пристрастием, то тотчас и обнаружил бы сие скорбию и смущением; но он показал, что имел их так, как бы не имел».

И заключил авва Зосима: «Бесы замечают такие случаи: и если видят, что кто-нибудь бесстрастно относится к вещам, не тревожась потерею их, то уразумевают из сего, что он ходит по земле, но не имеет в себе мудрования земного».

Собеседование второе

В устремлениях произволений вся сила. Горячее произволение в один час может принести Богу более благоугодного Богу, нежели труды долгого времени без него. Произволение вялое и ленивое бездейственно».

Собеседование третье

Бесы боятся, если увидят, что кто-нибудь, будучи подвергаем оскорблению, бесчестию, ущербам и всяким другим неприятностям, скорбит не о том, что подвергся сему, но о том, что, подвергшись, не перенес того мужественно; ибо уразумевают из сего, что он вступил на истинный путь и имеет твердое желание ходить в совершенстве по заповедям Божиим». При сем авва Зосима вспомнил о св. Пахомии, как поступил он, когда старший брат его укорил его, говоря: «Перестань, увлекаясь тщеславием, расширять монастырь». Св. Пахомии делал это по данному свыше повелению. Почему,

когда услышал это, то как за доброе дело стоя, почувствовал движение негодования; однако ж ничего не сказал брату против в то время. Когда же настала ночь и неприятное движение сердца улеглось, он, вошедши в малую молитвенницу свою, начал плакать и молиться, говоря:

«О Боже! во мне все еще мудрование плотское, все еще живу я по плоти. Увы мне! Как таковый, «умрети имам», по Писанию (Рим. 8, 13). После таких подвигов, после такого уготования сердца опять гневом увлекаюсь, хоть и за добро. Помилуй мя, Господи, да не погибну до конца! Ибо если Ты не утвердишь меня совершенно в добре, и враг найдет во мне свою часть, хоть самую малую, я буду пленником его; «и иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен» (Иак. 2, 10). Но верую, что если Ты, по великим щедротам Своим, поможешь мне, то я научусь наконец шествовать путем святых Твоих, всегда «в предняя простираясь» (Флп. 3, 13), и посрамлю, как следует, самого врага. Иначе как же, Господи, буду я учить тех, кого призовешь Ты вместе со мною проводить жизнь сию, если сам прежде не побежду себя и врага?»

В такой молитве пробыл он всю ночь, такие с плачем говорил слова, пока настал день; и от пота его под ногами его образовалось блато, потому что время было жатвенное, и место то очень знойно. «Удивляюсь сему, – сказал блаженный Зосима, – его слезы не знали меры. Как же Бог не дарует такому горячему произволение всяких благ, у Него испрашиваемых, когда оно для всего мертво, кроме сего?»

Собеседование четвертое

Говорил еще авва Зосима: «Когда кто приведши на мысль оскорбившего его, или вред ему причинившего, или поносившего и оклеветавшего, или другое какое зло ему сделавшего, сплетает замыслы против него, то он сам на себя наветует подобно бесам; и тогда для навета на него достаточно

его самого. И что я говорю: когда сплетает замыслы? – Если не воспоминает о нем, как о благодетеле и враче, то крайне не право к нему относится. Ибо он вызывает наружу ту страсть, какою ты болишь, чтоб уврачевать ее; и ты должен потому воспоминать о нем, как о враче, посланном тебе от Христа. Ради Христа должно тебе перенесть все, в благодарность Ему за такое благодеяние. Если же ты не воспользуешься сим как должно и не отстанешь от злой страсти своей, не Господь Бог виновен в этом. То самое, что ты страдаешь, есть признак, что «душа твоя больна; если б ты не был болен, то и не страдал бы. Посему должен ты благодарен быть брату за то, что чрез него узнал ты ход болезни своей, и то, что ты от него потерпел, с любовию принять, как целительное врачевство, посланное от Самого Господа Иисуса. Если же ты не только не благодаришь, но оскорбляешься, восстаешь против, жалуешься и сплетаешь замыслы против него, то ты чрез то говоришь как бы Господу Иисусу: «Не хочу быть уврачеван Тобою; не хочу принимать врачевства Твои; хочу изгнить в ранах моих, хочу быть послушен бесам. Не знаю Господа; и кто Он есть, чтоб мне послушаться гласа Его (Исх. 5, 2)? И что, наконец, сделает Господь?» – Господь, будучи благ к нашим худостям, дал нам заповеди к уврачеванию их, как прижигания и чистительные. Почему, кто хочет и ищет уврачеваться, тому необходимо перетерпевать, что налагает на него врач, с молчанием, хотя и болезненным. Ведь и больной телом не сладким почитает терпеть сечения и прижигания или принимать чистительное; но убежден будучи, что без этого невозможно избавиться от болезни, отдает себя в руки врача с уверенностию, что чрез эту малую предлежащую ему боль избавится от сильного внутреннего расстройства и долговременной болезни. Прижигатель же Иисус Христов есть тот, кто причиняет обиды и вред»

Собеседование пятое

Сказал он сверх того: «Уничтожь искушения и помыслы – и не будет ни одного святого. Бегущий от искушения спасительного, бежит от вечной жизни. Некто из святых и говорит: «Кто доставил св. мученикам венцы оные, если не мучители их? Кто даровал св. Стефану такую, окружающую его, славу, если не те, кои побили его камнями?» – прилагая к сему изречение и другого святого, который говорил: «Я не виню поносящих меня, а, напротив, называю их и почитаю своими благодетелями; и не отреваю1 Врача душ, подающего тщеславной душе моей врачевство бесчестия, боясь, как бы Он некогда не сказал и моей душе: «врачевахом Вавилона и не исцеле» (Иер. 51,9); и опять: «колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже кокош гнездо свое под крыле, и не восхотесте; се оставляется вам дом ваш пуст» (Лк. 13:34–35)"".

Собеседование шестое

Говорил еще: «Евагрий боялся, чтобы Господь, укоряя его, не сказал ему: «Ты болел тщеславием, и Я навел на тебя врачевство бесчестия, чтоб ты чрез то очистился; но ты не уврачевался». – Да ведаем же, что никто не говорит о нас прямой истины, кроме того, кто укоряет нас. Господь, испытующий сердца и утробы, желает, что хотя бы все люди хвалили и ублажали нас, наше все тем не менее достойно укора и студа оплеваний. Если скажут: «Ты то и то сделал», я отвечу: «Но что же из всего моего хорошо?» – Никто не говорит обо мне лжи, кроме хвалящих и ублажающих меня, и никто не говорит о мне истины, кроме укоряющих и уничижающих меня; и они не всю еще обо мне истину говорят. Если б пришлось им узнать, не говорю все море моих злых дел, но часть некую, то они отвратились бы от смрада и зловония души моей. Если б все члены тел человеческих превратились в языки, чтоб укорять нас, я убежден, что и тогда не смогли бы они вполне выразить наше бесчестие. Всякий укоритель часть только некую укоряет, всего же знать он не может. Если Иов

говорит: «исполнен есмь бесчестия» (Иов. 10, 15), а что полно, то не вмещает уже ничего более; что скажем мы, бездною суще зол? Всяким грехом смирил нас диавол, – и мы должны быть благодарны тем, кои смиряют нас уничижением; ибо те, которые бывают благодарны за свое уничижение, стирают главу диавола. Святые же отцы сказали, что если смирение низведено будет до ада, оно вознесется до небес; и напротив, если гордость возвысится до небес, она низведена будет до ада. Кто заставит уничиженного сплетать помыслы против коголибо, или хоть похулить кого, или возложить вину на другого? Ибо чтобы ни потерпел смиренный или ни услышал, он берет от сего повод к тому, чтоб себя самого похулить и уничижить». При сем блаженный Зосима припомнил, как авва Моисей, когда клирики выслали его из алтаря, говоря: «Поди вон, эфиоп», начал себя самого уничижать, говоря: «Добре они с тобою поступили, чернокожий! Не будучи человеком, не ходи в среду людей. Хорошо они сделали».

Собеседование седьмое

Говорил также: «Что удобнее к исполнению того, что слышим от святого и деятельного наставника нашего аввы Аммона, который говорит: «Внимай тщательно себе, чего ради вышел ты из мира и зачем ты здесь, – и всячески старайся, когда кто скорбь какую причинит тебе, молчать и отнюдь ни одного слова не произносить, пока непрестанною молитвою не укротится сердце твое; и потом уже умоляй брата о прощении.» Ибо кто любит истинный и прямой путь, тот, когда смутится чем, всегда сильно укоряет и обличает самого себя, говоря: что беснуешься, душа моя, и что мятешься, как помешанная? Этим самым показываешь, что ты больна. Ибо если б не была больна, то не страдала бы. Для чего же, оставя укорять саму себя, упрекаешь ты брата, который показал тебе болезнь твою? Делом и истиною научайся заповедям Христа Господа, Который «укоряем противу не укоряше, стражда не

прещаше» (1Пет. 2, 23). Слышишь, что говорит Он и что делом показывает: «плещи моя вдах на раны, и ланите на заушение, лица же моего не отвратих от студа заплевания» (Ис. 50, 6). Ты же, бедная душа, за малое похудение тебя и непочтение, за некое презрение и отвращение, осуждение и оклеветание сидишь, сплетая бесчисленные неприязненные помыслы, чем наветуешь сама на себя, как демоны. Что сам демон может сделать такой душе больше того, что она сама себе делает? Крест Христов видим, о страданиях Его, какие претерпел Он ради нас, читаем каждый день; а сами ни одного оскорбления не переносим. Поистине мы уклонились от правого пути».

Собеседование восьмое

Еще сказал: «Если кто мафусаиловы проживет лета, а не будет шествовать тем прямым путем, каким шествовали все святые, – говорю о пути обесчесчевания и несправедливых уронов и мужественного их претерпевания, – тот не преуспеет ни много ни мало и не обретет сокрытого в заповедях сокровища, а только напрасно потратит все лета жизни своей». При сем прибавил он: «Когда был я у блаженной Дионисии, один брат просил у ней что-нибудь в благословение, и она дала ему что и сколько могла. Но как ему дано было не столько, сколько он ожидал, то он начал ее поносить и говорить на нее и на меня нелепые речи. Услышав это, она рассердилась и хотела отплатить ему чем-нибудь. Поняв это я сказал ей: «Что ты это делаешь? Этим ты наветуешь сама на себя и отъемлешь всю добродетель у души своей. И что по достоинству терпишь ты такого, что Христос потерпел ради тебя? Знаю, госпожа, что ты рассорила все имущество свое, как сор, но если не взыщешь кротости, то будешь то же, что кузнец, который бьет кусок железа, а нужной вещи не выделывает. Послушай, что говорит Игнатий Богоносец: «Взыщи кротости, коею разрушается вся сила князя века сего». Признак того, что мир совершенно оставлен, есть не встревоживаться ни из-за чего.

Бывает, что иной, презрев многие сокровища, пристращается к игле и сие пристрастие причиняет ему смущение и тревоги. Тогда игла заступает у него место сокровищ. Вот как бывает иной рабом иглы, или кукуля, или мантии, или книги, переставая уже быть рабом Божиим. Хорошо сказал некто из мудрых, что сколько страстей в душе, столько и господ. И Господь говорит: «Идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). И Апостол также: «имже кто побежден бывает сему и работен есть» (2Пет. 2,19)». Выслушав сие, она посмотрела на меня с удивлением и сказала: «Да обретешь ты Бога, Коего вожделеваешь"".

Собеседование девятое

Говорил также блаженный: «Душа желает спастись, но, вожделевая благ суетных и об них заботясь, бегает трудов по делу спасения. Хотя поистине не заповеди тяжки, а злые пожелания наши. Бывает же, что мы иной раз, боясь утонуть в море или попасться в руки разбойников, все презираем и охотно бросаем вещи свои, когда видим, что спустя немного предлежит, нам смерть. Но если для того, чтобы еще немного пожить на земле, мы все презираем и за счастье считаем, если все потеряв спасем самих себя от разбойников ли, или от моря, причем незадолго пред сим бесновавшийся из-за монеты спешно бросает все, чтобы только сохранить привременную жизнь, то почему не держим мы такого расчета и относительно жизни вечной? Почему не силен у нас столько страх Божий, сколько силен страх моря, как сказал некто из святых».

Собеседование десятое

В подтверждение сего авва рассказал следующий случай, слышанный им от некиих. «Некогда один торговец камнями сел на корабль с детьми своими, имея с собою множество драгоценных камней и маргаритов, которые надеялся выгодно

продать в той стране, куда направлялся. Случилось ему по смотрению Божию особенно полюбить одного отрока, прислуживавшего ему на корабле; и он утешал его, как и сам утешался им и давал ему есть то же, что сам ел. В один день слышит отрок сей, как корабельщики шепчутся между собою и, прислушавшись, узнает, что они порешили торговца того бросить в море изза камней его драгоценных. Это очень его опечалило. Когда потом с лицом печальным пришел он к тому торговцу камнями, чтобы по обычаю послужить ему, тот спросил его: «Чего ты ныне так печален?» «Ничего», ответил отрок, не смея сказать истину. Тот опять спросил: «Есть что-то у тебя, скажи мне по правде, что такое?» Отрок зарыдал и сказал ему: «Так и так умыслили против тебя корабельщики». – «Точно так?» – спросил купец. «Да, – ответил отрок, – так они положили между собою». Тогда купец призвал детей своих и сказал: «Что ни скажу вам, сделайте то не упираясь». Потом, разостлав полотно, сказал им: «Принесите сюда ящики». Они принесли. И он начал выкладывать камни. Выложив же все, проговорил он: «Такова жизнь! Из-за этих вещей я подвергаюсь опасности быть брошенным в море и спустя немного умереть, ничего не взявши с собою». Затем приказал детям: «Выбросьте все это в море»; и они вместе со словом его тотчас выбросили все в море. Изумились корабельщики, и разорился умысел их злой».

Кончив этот рассказ, блаженный авва Зосима прибавил: «Видите, куда вдруг устремился помысл его: как тотчас сделался он любомудрым, – и в словах и в делах? И это для сохранения сей кратковременной жизни. И справедливо поступил, рассуждая, что если умрет, какая ему польза от камней сих. А мы и малой потери или лишения не хотим равнодушно перенести заповеди ради Христовой. Но если уже не можем не печалиться, то следует печалиться о погибели причинившего нам вред, а не о потере имущества, ибо тот,

онеправдовавший, себя изверг из Царствия: так как «неправедницы Царствия Божия не наследуют» (1Кор. 6, 9); а тебе, онеправданному, доставил живот вечный, как говорит Господь таковым: «радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф. 5, 12). Мы же, оставя печаль о погибели члена Христова, сидим и сплетаем помыслы о вещах тленных и ничтожных, погибельных и ничего не стоющих. Поистине достойны мы всякого наказания. Бог возвел нас в чин членов Тела, имеющего главою Христа Бога нашего, как сказал Апостол: «все члены тела, мнози сущее едино суть тело» (1Кор. 12,12). «Глава же всех есть Христос» (Еф. 1, 22). Потому когда брат причиняет тебе скорбь, то это подобно тому, как страждущая рука или болящий глаз заставляет страдать другой член. Ведь руки мы не отсекаем и не отбрасываем, и глаза не выкалываем, когда они причиняют нам боль, почитая большим для себя вредом отъятие того или другого из сих членов; а напротив, и крестное знамение, сию честнейшую печать Христову, на них полагаем, и святых помолиться призываем, и свои прилежные о них приносим Богу молитвы, и вместе с сим приготовляем коллурии (глазные мази) и пластыри, чтобы помощию их излечить болящий член. Итак, как молишься ты о глазе или руке, чтоб они уврачевались и не причиняли тебе более боли, так молись и о брате своем. Мы же, видя, как члены Христовы такой терпят душевный вред, не только не скорбим о них, но даже молимся против них. Это поистине свойственно тем, кои не имеют милосердого сердца».

Собеседование одиннадцатое

Говорил еще блаженный: «Стяжавший утробы щедрот – любовь и сострадание, прежде себя самого радует и пользует, а потом и ближнего, как, напротив, злость ранит и уязвляет прежде того, кто имеет ее. Хотя и кажется, что он вред причиняет ближнему – в имении, или в чести, или в самом

даже теле, но в самом деле он себя самого лишает живота вечного». К сему приложил авва изречение: «Что не вредно для души, то не вредно и для человека».

Собеседование двенадцатое

Еще говорил он: «Некто сказал мне: «Авва, слишком много того, что заповедано нам и помрачается ум, когда станешь рассматривать, что соблюдаешь и чего не соблюдаешь». Я ответил ему: «Это пусть не смущает тебя; но вот что содержи в мысли, что если будешь не пристрастен к вещам, то удобно исполнишь всякую добродетель. Не ссорясь изза них, ты не будешь злопамятовать, и тогда какой труд будет для тебя молиться за врагов? То же ли, что копать землю? – Но иди путем терпения, переноси благодушно неправые потери в имуществе, благодари за обесчещение, – и вот ты ученик св. апостолов, которые, возвращаясь из судилища после побоев, «радовались, что сподобились за имя Христово безчестие приять» (Деян. 5, 41). И они, как чистые и святые, за имя Христово прияли бесчестие; мы же должны подвергаться бесчестию за грехи свои. Мы бесчестны, хотя бы никто не бесчестил нас, и прокляты: ибо прокляты, говорит пророк « уклоняющиися от заповедей Твоих» (Пс. 118, 21)». Не всем принадлежит терпеть бесчестие за имя Христово, не всем, но только святым и чистым, как я сказал; дело же подобных нам людей есть с благодарностью принимать бесчестие, исповедуя, что справедливо терпим за худые дела наши. Окаянна та душа, которая, зная свои нечистые дела и видя, что достойно терпит то, что терпит, сидит и, обманывая совесть свою, сплетает помыслы, говоря: он мне то и то сказал, бесчестил меня и поносил, – наветуя сама на себя и сама заменяя для себя место демонов. Ибо что бывает у художников, то же случается и с душею. Как там главный мастер, преподав искусство ученику, оставляет его потом работать самого по себе и не имеет более нужды сидеть подле него, а только по временам надсматривает

за ним, не разленился ли, или не испортил ли дела; так и демоны, если увидят душу покорною и легко принимающею злые помыслы, предают ее сему сатанинскому искусству и не считают уже нужным сидеть подле нее, в уверенности, что ее самой одной достаточно к навету против себя, только по временам приходят посмотреть, не разленилась ли она».

Собеседование тринадцатое

Говорил также авва: «Что удобнее, как любить всех, и что приятнее, как быть любиму всеми? И какого утешения не имеют заповеди Христовы? – Но произволение не устремляется к исполнению их; ибо если бы устремлялось, то при помощи благодати Божией все было бы для него легко. Малое влечение воли нашей на добро привлекает Бога на помощь, как я часто говорил и как говорит божественный Антоний: «Для добродетели нужно только наше желание и опыт; не нужно нам отправляться вдаль для стяжания Царствия Небесного, ни преходить моря для добродетели». – Какое упокоение вкушает кроткий и смиренный?! Поистине «кроткие наследят землю и насладятся во множестве мира» (Пс. 36, 11)".

Собеседование четырнадцатое

Сказывал еще блаженный: «Шли мы однажды – я, один брат и из мирян несколько – по Неапольской дороге (в Самарии) и пришли на то место, где была таможня. Миряне, знавшие, что по обычаю тут требовалось, отдали пошлину ничего не говоря; но брат, бывший со мною, начал противоречить, говоря им: «Смеете вы требовать с монахов?!» – Услышав это, я сказал ему: «Что ты делаешь, брат? Ты не другое что говоришь ему, как, хоть и нехотя: «Чти меня как святого». Другое дело, если б он сам, видя твою добрую волю и смирение, устыдился и сказал: «Прости, не возьму». И так ты поступил не как ученик кроткого и смиренного. Отдай, что должно, и проходи далее с

миром"".

Собеседование пятнадцатое

«В другой раз, когда был я во святом граде, пришел ко мне некто из христолюбцев и говорил: «Возымели мы – я и брат мой – небольшое друг на друга неудовольствие; и брат не хочет помириться со мною. Умилостивись, поговори ему». Я с радостью согласился на то и, призвав брата того, говорил ему, что может склонить к любви и к миру. Он, казалось, убедился, но потом говорит мне: «Нет, не могу помириться с ним, потому что Крестом поклялся не мириться». Тогда, улыбнувшись, я сказал ему: «Клятва твоя имеет такой смысл: клянусь Честным Крестом Твоим, что не буду соблюдать заповеди Твои, но буду творить волю врага Твоего диавола. Ведай же, что не только не обязаны мы стоять в своем слове сделать какоелибо злое дело, но паче должны каяться и сокрушаться о том, что положили сами с собою поступать так, – как говорил Богоносный Василий; если б Ирод опомнился и не исполнил клятвы своей, то не впал бы в великий грех обезглавления Предтечи Христова». Наконец я ему привел сказание св. Евангелия о том, как когда Господь хотел умыть ноги св. Петра, сей последний с ретивостию, свойственною клянущимся говорил: "не умыеши", – а потом не только согласился на это, но и возжелал большего (Ин.13)».

Собеседование шестнадцатое

Говорил опять блаженный: «Спросили меня, как следует обуздывать гнев, и я сказал в ответ: начало обуздывания гнева есть – не говорить, пока продолжается гневное раздражение. Пример сему видим на авве Моисее, который, когда отцы, желая испытать его, говорили в собрании между собою: «Зачем этот эфиоп входит в наше собрание?» – слыша то, молчал; и когда после собрания некоторые спросили его, смутился ли он, отвечал: «Смутился и не глаголах» (Пс. 76, 5)».

Но так было вначале. – Когда же потом усовершился он и был посвящен в диаконы, то не только молчал, но и не смущался. Вот что было: архиепископ, желая испытать его, сказал клирикам: «Когда войдет авва Моисей в алтарь, вышлите его вон и, идя за ним, подслушайте, что он будет говорить». Когда пришел он в алтарь, клирики сказали ему: «Поди вон, чернокожий эфиоп». И он вышел, говоря себе: «Хорошо поступили с тобою; не будучи человеком, зачем входишь в собрание людей» («Дост. сказ, об авве Моисее», п. 3, 4). Теперь уже он не только промолчал на осмеяние, но и не смутился, и не только не смутился, но еще и укорил сам себя. Смущаться и не говорить свойственно несовершенным и новоначальным; а даже и не смущаться есть дело совершенных, как говорит пророк: «уготовихся и не смутился» (Пс. 118, 60), и это есть великая добродетель. – Мы же большею частию оказываемся стоящими ниже самых новоначальных, когда не стараемся одолеть себя и заставить себя смолчать, когда зародится гнев, думая, по великому нерадению своему, что добродетель сия высока и недоступна для нас. Даже желания не показываем, чтобы положить начало сему над собою труду и тем привлечь благодать Божию в помощь себе, или если, по-видимому, и показываем желание, но вялое, не твердое и недостойное того, чтобы получить от Бога какое-либо благо».

Собеседование семнадцатое

К сему присовокупил блаженный: «Дело жизни нашей идет так: привносит кто в дело от себя труд произволения и получает, что потребно для него от благодати. Как земледелец пусть и не много посеет, но если Бог благословит труд его, приобретает много, как написано об Исааке: «спя Исаак в земли той, и приобрете в то лето стократный плод ячменя: благослови же его Господь» (Быт. 26, 12); так, если благословит Господь и труд произволения нашего, мы станем все творить без труда, не принужденно и с сладостию, – и от

всего получать пользу. Молитва с самопринуждением и терпением рождает молитву легкую, чистую и сладостную. И та, с самопринуждением бывающая, есть дело произволения, а эта, совершаемая с услаждением, есть дело благодати. Не то же ли видим и в деле навыкновения искусствам? Приступающий к искусству пусть и с твердым желанием выучиться приступает, сначала работает с трудом, не добре слаживает одну часть с другою, и часто портит. Но не падает духом, а опять берется за дело и хоть опять испортит, не покидает дела, показывая учителю твердость своего произволения. Если он упадет духом и покинет труд, то ничему не научивается, а если, несмотря на то что часто портит, не покинет труда, но будет с терпением продолжать трудиться и работать, то, наконец при содействии Божием навыкает искусству и начинает все изделия понемногу производить, не тяготясь, с удовольствием, и с таким успехом, что добываемого чрез то бывает достаточно к полному его содержанию. Так и в деле духовной жизни: решающийся творить добродетели не должен думать, что тотчас преуспеет в них, потому что это невозможно, но пусть употребляет усилие и, хотя вначале дело его будет идти не совсем исправно, пусть не отступает от начатого, иначе не достигнет успеха, но пусть новые и новые употребляет усилия, подобно тому, как делает желающий научиться какомулибо искусству. Когда он таким образом будет с терпением трудиться не теряя духа, Бог призрит на труд его произволения и подаст ему силу все творить без принуждения. И вот это именно и значит сказанное аввою Моисеем: сила для желающих стяжать добродетели заключается в том, чтоб не малодушествовать, когда случится пасть, но снова воспринимать ревность и труд о том же».

Собеседование восемнадцатое

Говорил еще: «Для всякой добродетели потребны и труд и

время, и то, чтобы желать ее искренно, особенно же потребно для нее содействие Божие. Ибо если Бог не посодействует произволению нашему, всуе будет труд наш, так же как и труд земледельца, обработавшего и засеявшего свои земли, если не одождит Бог на семя его. Содействие же Божие требует наших молитв и молений; ибо ими только привлекаем мы помощь Божию в заступление нас. Если вознерадим о молитве, то как Бог призрит на труд наш? Тоже, если и будем молиться, но лениво и рассеянно или скоро скучать за молитвою, ничего получить не сподобимся, как я всегда говорил вам: ибо Бог смотрит на наше произволение и, судя по нему, подает дары. Не был ли прежде авва Моисей начальником разбойников? Не наделал ли он тьмы преступлений, так что должен был укрываться от господина своего, по причине злонравия своего. Но так как он мужественно и с таким теплым произволением приступил к делу, то знают все, в какую достиг меру, так что сопричислен был к избранным Божиим, как говорит писатель жития его. Мы же, хотя в начале отречения показываем теплоту усердия, но со временем по нерадению своему теряем ее, пристращаясь к вещам охлаждающим, пустым и ничего не стоющим, взамен любви к Богу и ближним; и притом, если успеем что сделать доброе, приписываем то себе, как будто своими то сделали силами, а не от Бога прияли их; тогда как истина говорит: «что имаше егоже неси приял. Аще же приял еси, что хвалишися, яко не прием» (1Кор. 4, 7)".

Собеседование девятнадцатое

Говорил также: «Не обеднел Господь Иисус и не обессилел, чтоб даровать и нам такие же блага, какими обогатил Он святых патриархов, если бы видел, что мы во благо себе и славу Его пользуемся тем, что уже даровал Он нам. Но как видит, что мы по своей неустроенности во вред себе обращаем данные уже Им нам невеликие и немногие дары, то, как человеколюбивый, и не вверяет нам больших, чтобы мы не

погибли вконец. Если бы Он видел, что мы во благо себе обращаем немногое данное уже, то конечно не был бы бессилен даровать нам и большее, как я сказал впереди. Бог, как я всегда говорю, будучи благ, дал нам свободу и возможность от всего получать пользу, но мы чрез пристрастие и злоупотребление губим дары Божий и лишаем себя их, когда дарованные уже нам блага по своему злоумию и злонравию обращаем во вред себе».

Собеседование двадцатое

Часто говорил также блаженный: «Никто не ж может причинить вред верной душе; но все, что ни постраждет она, вменится ей во благо. Работник, хотя и отягчен бывает трудом, но благодушно продолжает трудиться в уверенности, что после труда получит мзду; а неверный, встречая что тягостное, мучится как в аду, по причине неверия своего. Верный при всех тягостностях своих, пребывающий верным и с уверенностью чающий воздаяний за терпение свое, великое из того почерпает утешение; а неверный, не имеющий веры получить что от Господа, какое может иметь утешение?

Сидит и тлеет в помыслах, хотя малое встретит что скорбное, разглагольствуя в себе: «Он мне сказал, но и я имею нечто сказать ему», – злопамятствует и замышляет вещи невозможные, которых он совсем бессилен произвести в дело. Ибо не все, что замышляют люди, могут уже и сделать. Нет; но только то, что попускается им от Бога, – и это имиже один Он весть судьбами. Часто замышляет иной сделать зло другому; но, если не попускает сего Бог, тщетны бывают усилия Его и только испытываются чрез то произволения человеческие. Сколько замышляли сделать зло святым патриархам, но как не попустил сего Бог, то никто никакого не мог сделать им вреда, как написано: не «не остави человека обидети их и облечи о них цари. Не прикасайтесь помазанным Моим и во пророцех

Моих не лукавнуйте» (Пс. 104, 14–15). Когда же Бог восхощет показать преизбыточество силы Своея, тогда сердца даже самых немилостивых подвигает на милость, как написано в книге Даниила: и «вдаде Бог Даниила в милость и щедроты пред старейшиною евнухов» (Дан. 11, 9). Блаженна душа, чрез жаждание Бога истинно уготовившая себя к принятию даров Его; потому что Он ни в чем не оставляет такой души, но во всем покровительствует ей, даже и в том, о чем она по неведению не просит Его. Хорошо сказал Премудрый: «муж мудрый пребывает под кровом Бога» (Пс. 30, 21). Сколько раз Саул покушался умертвить блаженного Давида? Что не делал? Как не ухитрялся? Но как Давида покрывал Господь, то всякий умысел Саула оставался тщетным; и не только это, но и сам он часто был предаваем в руки святого, который, однако ж, щадил его, не имея против него ожесточенной и мстительной злобы».

Собеседование двадцать первое

Однажды спросили авву: «Как достигнуть того, чтоб не гневаться, когда унижают и злословят другие?» Он ответил: «Кто в сердце своем имеет себя ничтожнейшим, тот никаким унижением не возмущается, как сказал авва Пимен: если уничижишь себя, будешь иметь покой (Дост. сказания о Пимене, п. 81)».

Собеседование двадцать второе

Сказывал еще авва: «Один брат из числа живших со мною и схиму от меня получивших, которого я старался обучить всякой добродетели и которому снисходил иногда, по причине немощи его, так как он был нежного сложения, сказал мне в один день: «Авва мой! я сильно люблю тебя». Я ответил ему: «Я еще не встречал человека, который бы любил меня так, как я его люблю. Вот ныне ты говоришь, что любишь меня, и я верю тому, но если случится тебе что-либо неприятное от

меня, ты не останешься таким же. Я же, что бы ни потерпел от тебя, всегда останусь одинаково расположен к тебе, и ничто не может отторгнуть меня от любви к тебе». Прошло немного после того времени, – и он, не знаю что с ним сделалось, начал говорить на меня многое, даже до срамных речей; и я все то слышал. Тогда сказал я в себе: «Он прижигатель Иисусов, и послан вылечить тщеславную душу мою. От таковых внимающий себе может снова приобрести то, что теряет чрез ублажающих его. Он истинный мой благодетель». И я всегда поминал его как врача и благодетеля своего. Тем же, которые извещали меня о его речах, говорил: «Он узнал только явные мои худости, и то не все, а часть некую; сокровенные же мои недостатки бесчисленны». По времени, встречается он со мною в Кесарии (Палестинской), подходит и, по обычаю, обнимает и целует меня и я его, так как бы между нами ничего не было. После таких наговоров он так обнимал меня, встретясь со мною, без сомнения, потому, что я не показывал ему никакого подозрения и ни малого вида оскорбления, хотя все слышал. Но он сам пал в ноги мне и, обняв их, сказал: «Прости мне, отче мой, ради Господа, что я так много говорил на тебя нехорошего». Я же, облобызав его ласково сказал ему: «Помнит ли твое боголюбие, как, когда ты сказал мне: сильно люблю тебя, я ответил тебе, что еще не встречал человека, который бы любил меня так, как я люблю его, и что если случится тебе что неприятное, ты не останешься таким же, я же, что бы ни пострадал от тебя, всегда буду к тебе одинаков и ничто не может отторгнуть меня от любви к тебе? – Да удостоверится же сердце твое, что ничто не утаилось от меня из того, что говорил ты, но и где, и кому, все слышал, и никогда не сказал, что это не так, и никто не мог склонить меня сказать что-нибудь худое; но я говорил еще: «Что говорит он, говорит истинно, и говорит из любви»; и, считая тебя своим, никогда не пропускал я поминать тебя в молитвах моих, и чтобы дать тебе еще большее свидетельство любви моей к

тебе, открою тебе, что, как некогда сильно заболел глаз мой, я, вспомнив о тебе, положил на нем знамение честного Креста и сказал: Господи, Иисусе Христе! ради молитв его исцели меня! – и я исцелился тотчас"".

Собеседование двадцать третье

Часто говорил еще блаженный: «Не знаем мы, ж люди, как сделать, чтобы нас любили и почитали, но потеряли всякий смысл. Если мало потерпит кто на брате своем, когда он гневается, или скорбит на него, то он скоро придет в себя, и, узнав, как тот потерпел на нем, самую душу свою положит за него». При сем однажды припомнил блаженный о некоем брате, рассказавшем ему, что он имел авву весьма кроткого, которого за великую его добродетель и чудеса им творимые вся страна почитала, как Ангела Божия. В один день брат сей, движимый врагом, подошел к нему и начал до последней меры злословить его при всех. Старец спокойно стоял при сем, смотря на уста его, и потом сказал: «Благодать Божия во устах твоих, брате мой!» Он же, еще более вознеистовствовав, закричал: «Знаю я, ты это говоришь, бессмысленный и чревонеистовый старик, для того, чтобы показать себя кротким». Старец сказал на это: «Истинно так, брате мой; то, что ты говоришь, справедливо». – После сего некто спросил старца: «Неужели ты не смутился, старец Божий?» – «Нет, – ответил он, – но чувствовал в душе моей, что она была как бы покрываема Христом». – К сему блаженный присовокупил: «Поистине должно благодарить таковых и почитать их, если кто страстен – врачами, врачующими раны души его, а кто бесстрастен благодетелями, доставляющими ему Царство Небесное».

Собеседование двадцать четвертое

Сказывал еще блаженный: «Когда был я еще в Тирском монастыре, прежде перехода моего оттуда, пришел к нам один

славный добродетелями старец. Когда стали мы читать книгу достопамятных сказаний и премудрых изречений святых старцев (ибо блаженный любил их прочитывать и как бы дышал ими и почерпал из них научение всякой добродетели) и дошли до сказания о том старце, который, когда пришли к нему разбойники и сказали, что они положили взять все, что есть в келлии его, спокойно ответил им: «Возьмите, дети, все, что вам покажется»; и когда они все забрали и ушли, оставя одну сумку, он, взяв ее, погнался за ними, крича: «Дети! возьмите от меня, что забыли вы в келлии нашей»; они же, пораженные незлобием старца, возвратили ему все в келлию его, в раскаянии говоря друг другу: «Истинно, это человек Божий»; как только прочитали мы это, говорит мне старец: «Знаешь, авва мой, это сказание большую мне принесло пользу». Говорю ему: «Как так, отче?» Он ответил: «Некогда во время пребывания моего в местах, прилежащих Иордану, прочитав это, подивился я старцу и сказал: «Господи, сподоби меня и по стопам тех шествовать, которых образ (схиму) принять сподобил Ты меня». Так это желание и удержалось у меня. И вот спустя два дня подошли разбойники и постучались в дверь. Я тотчас узнал, что это разбойники и сказал в себе: благодарение Богу! се время показать плод желания моего. Потом, отворив дверь, принял их радушно, и зажегши светильник, начал показывать им вещи, говоря им: «Не мятитесь; как верую Господу, ничего не скрою от вас». Они говорят мне: «Есть ли у тебя злато?» – «Есть, ответил я, вот 3 монеты», и открыл пред ними сосуд. Они взяли и пошли с миром"". – «Я же, – сказал с улыбкою блаженный, спросил его: – а возвратились ли они к тебе, как те к тому старцу?». «Не дай Бог, тотчас ответил он, – у меня и помышлений не было, чтоб возвратились». – К сему приложил блаженный: «Вот какова была ревность старца и вот что доставила ему готовность подражать святым, – то, что не только не скорбел, но еще радовался, как сподобившийся особенного некоего блага».

Собеседование двадцать пятое

Как беседуя с вами пред сим, – сказал блаженный, я помянул, что если мало потерпим брату нашему гневающемуся, приобретем душу его, то теперь хочу рассказать вам на сие, что слышал от блаженного Серия игумена Педиадского. Он сказывал мне: «Некогда были мы в дороге с одним святым старцем и заблудились. Не зная куда идти, попали мы на засеянное поле и потоптали немного зелени. Увидев это, земледелец, случившийся тогда там на работе, начал крепко бранить нас, крича с гневом: «Вы, монахи! боитесь вы Бога? Если бы вы имели страх Божий пред очами своими, не сделали бы этого». – Старец тот святой тотчас сказал нам: «Господа ради никто не говори»; к земледельцу же кротко обратился с такою речью: «Правду ты говоришь, чадо, что если бы мы имели страх Божий, то не сделали бы этого». Тот опять забранился с гневом. Старец снова сказал ему: «Правду говоришь, что если бы мы были монахи, то не сделали бы этого. Но, Господа ради, прости нам; винимся, что погрешили против тебя». Это так поразило земледельца, что он, подошедши, бросился в ноги старцу и сказал: «Прости меня, ради Господа, отче, и возьми меня с собою», и действительно он пошел за нами, – сказал блаженный Серий, – и, пришедши в обитель, принял схиму». «Вот что, – прибавил авва Зосима, – кротость и доброта святого старца могли сделать с Божиею помощью: созданную по образу Божию душу, которая вожделенна Богу паче, нежели тьмы миров с богатствами их».

Собеседование двадцать шестое

Говорил еще авва Зосима: «Однажды, когда был я у блаженного Сергия, он сказал мне: «Почитай нам что-нибудь из Писания». Я начал читать Притчи и, когда дошел до места, где говорится: «во мнозех древех растет огнь: а идеже несть

разгневляюща, умолкает свар» (Притч. 26, 20), спросил его: «Что значит это изречение?» Он сказал мне в ответ: «Как дрова суть (материальная) причина пламени огненного, и если их недостаточно будет, огонь скоро угасает, так есть свои причины и страстей; и если кто отсечет сии причины, страсти остаются бездейственными. Именно: причины блуда, как сказал авва Моисей, суть: есть и пить невоздержно, спать вдоволь, сидеть без дела, забавляться, празднословить и любить наряжаться. Если кто отсечет все это, страсть блуда будет бессильна. Опять причины гнева, как он же сказал, суть: давать и брать (хлопотливые сделки иметь), творить волю свою, любит учительство, почитать себя разумным. Кто отсечет это, у того страсть гнева не будет иметь силы. Так и относительно всех страстей». И это-то значат слова аввы Сисоя, какие сказал он, когда брат спросил его: «Почему страсти не отступают от меня?» Он сказал ему в ответ так: «Потому что сосуды их, т.е. причины, суть внутри тебя, отдай им залог их, – и они отойдут"" («Дост. сказ. о Сисое», п. 5).

Собеседование двадцать седьмое

В другой раз говорил: «Двоегневен, в ком не умолкает брань, есть тот, кто не довольствуется первым раздражением, но сам еще разжигает себя ко второму гневу. Кто, воспламенившись гневом, тотчас придет в себя, и, сознав вину свою, испросит прощение у брата, на которого рассердился, этот не называется двоегневным; в нем утихает брань; потому что, как только он, сознав вину свою, помирится с братом, брань не имеет уже в нем места. Но кто, разгневавшись, не сознается в вине своей, но еще более раздражает себя на гнев и жалеет не о том, что разгневался, а что не наговорил еще больше того, что сказал в раздражении своем, – этот называется двоегневным; и в нем брань не утихает, потому что после гнева берут его в свою власть злопамятство, неприязнь и злоба. – Господь Иисус Христос да избавит нас от части таковых, и да

сподобит части кротких и смиренных».

Собеседование двадцать восьмое

Часто говорил он также, что великое внимание ж и немалая мудрость потребны против злокозненности диавола; ибо бывает, что он иногда из-за ничего возбуждает тревоги и неудовольствия, внушая и благословные к тому предлоги, чтоб казалось, что гневаться в предлежащем случае справедливо и есть основательная причина. Но что бы ни внушал он, да ведает желающий во истине шествовать путем святых монах, что никакое раздражение, как бы оно ни казалось правым, не должно им быть допускаемо, как говорит Макарий: «Монахам не следует гневаться; и еще: не следует причинять скорбь ближнему». При этом он рассказал нам следующее: «Некогда заказал я писать для меня некоторые книги одному искусному писцу. Кончив писать, он прислал сказать мне: «Се, кончил я; пришли, что рассудится тебе и возьми». Один брат, услышав о сем, пришел к тому писцу от моего имени и, дав известную плату, взял книги. Между тем и я, не зная о случившемся, послал нашего брата с письмом и платою взять их. Писец, узнав из этого, что осмеян взявшим книги братом, сильно раздражился и сказал: «Пойду непременно и досажу ему – и за то, что насмеялся надо мною, и за то, что взял не свое». Я же, услышав о сем, послал сказать ему: «Ведомо, конечно, тебе, брате мой, что мы затем приобретаем книги, чтоб научиться из них любви, смирению, кротости; если же самое начало приобретения книг ведет к ссорам, то и не хочу иметь их, чтоб не ссориться: «ибо рабу Божию не подобает сваритися» (2Тим. 2, 14)». Таким образом, отказавшись от книг, я сделал, что брату тому не причинено было преднамеренное досаждение».

Собеседование двадцать девятое

Однажды сидя с нами и беседуя о душеспасительных вещах,

блаженный начал приводить изречения св. старцев и, дошедши до изречения, сказанного аввою Пименом, что осуждающий себя находит покой всюду («Дост. ск. о св. Пимене», п. 85), и до того, которое сказал авва Нитрийской горы, на вопрос: «Что более всего обрел ты, отче, на пути сем?» – «Обвинять и укорять себя самого всегда», – ответил он, причем вопрошавший прибавил: «И нет другого пути кроме сего»; сии изречения припомнив, сказал блаженный: «Какую силу имеют слова святых! И поистине, что ни говорили они, говорили от опыта и истины, как свидетельствует божественный Антоний. Оттого слова их и сильны, что изречены деятелями, как и всем делать заповедует некто из мудрых: слова твои да подтверждает жизнь твоя». При сем авва рассказал нам следующий случай: «Когда я еще немного времени пребывал в Лавре аввы Герасима, сидели мы однажды с возлюбленным мне братом и беседовали о душеспасительных вещах. Я припомнил вышесказанные слова аввы Пимена и того другого старца Нитрийского, и брат сказал мне при сем: «Я опытом узнал истину сих слов и вкусил покоя, доставляемого исполнением их. Жил я в искренней дружбе с одним диаконом Лавры сей. Не знаю отчего возымел на меня подозрение в одном деле, оскорбился тем и стал смотреть на меня мрачно. Заметив эту мрачность, я просил объяснить мне причину того, и он мне сказал: «Ты сделал такое и такое дело». Не сознавая за собою такого дела, я начал удостоверять его в своей невинности; но он сказал на это: «Прости, не удостоверяюсь». Удалясь в келлию свою, я начал испытывать сердце свое, сделано ли мною когда-либо такое дело, – и не находил. Когда после того случилось, что он, взяв потир, подавал, я побожился ему на нем, что не помню, чтоб сделал то дело; но он и тут не удостоверился и этим. Тогда снова вошедши в себя, вспомнил я о сих словах старцев и, в полной вере в истину их, обратил помысл свой на себя и сказал: «Диакон искренно любит меня, и сею любовью движимый, открыл мне, что имеет

сердце его на меня, чтоб я трезвенно блюл себя, как бы не сделать того; бедная душа моя, как говоришь ты, что не сделала дела того? Тысячи худых дел наделано тобою, и ты забыла о них. Где то, что сделано тобою вчера или за десять дней назад? Помнишь ли о том? Итак, не сделала ли ты и этого, как сделала то, – и забыла, как забыла прежнее?» Таким образом, я положил в сердце своем, что я истинно сделал это; но как забыл прежнее, так забыл и это. И начал я благодарить Господа и диакона, что чрез него сподобил меня Господь познать грех свой и покаяться в нем. Потом встал и в таких помышлениях пошел к брату сознаться пред диаконом и поблагодарить его. Но лишь только постучал я в дверь, как он, отворив ее, первый делает мне поклон, говоря: «Прости мне, я поруган бесами, заподозрив тебя в деле том; ибо истинно удостоверил меня Бог, что ты неповинен в нем»; и не допустил меня более уверять его, говоря: «В этом нет уже нужды"". Пересказав это, блаженный Зосима прибавил: «Вот к чему искреннее смирение расположило сердце брата, возлюбившего его, что он не только не возмутился поступком диакона и не оскорбился на него, – во-первых, за то, что тот заподозрил его, во-вторых, за то, что не поверил его увериям в своей невинности, но еще принял на себя несделанный грех, и не только это, но и возблагодарил диакона. Видите, что творит добродетель сия? На какие степени преуспеяния возводит любящих ее? Ибо, если бы захотел брат, то тысячи поводов возымел бы к тому, чтоб сделаться чрез диакона демоном. Но как он устремился к добродетели, то не только не оскорбился на него, но еще поблагодарил его, так как добродетель объяла сердце его. Так если б и мы предварительно посевали в себе семена кротости и смирения и располагали к ним сердце свое, то враг не имел бы места сеять в нем злые семена свои. Но как он находит нас пустыми без добрых помыслов или, даже более того, самих себя разжигающими на худое, то берет отсюда поводы наполнять

нас своим злом. При любви же к добродетели бывает совершенно противное сему; ибо тогда Господь, видя, как душа жаждет спастись и как усердно возделывает в себе добрые семена, ради сего благого произволения ее исполняет ее Своими дарами».

Собеседование тридцатое

Однажды блаженный авва, вспомнив о старце, которого окрадывал живший по соседству с ним брат, – что он, зная то, никогда не обличал этого брата, но еще более работал, говоря: «Может быть, нужду имеет брат», – дивился благосердию святых и рассказал при этом следующий случай.

«Во время пребывания моего в Педиаде вот что рассказывал мне один игумен: близ обители нашей жил один старец и был он преблагой души. Живший по соседству с ним брат однажды в отсутствие старца, по вражескому искушению, отворив келлию его, вошел внутрь и забрал себе вещи его и книги. Когда старец по возвращении, отворив келлию, не нашел своих вещей, то пошел к брату тому, сказать ему о сем. Но, вошедши в его келлию, увидел вещи свои посреди ее, потому что брат не успел еще прибрать их. Не желая, однако ж, пристыдить брата и обличить его, показал вид, что будто схватил его живот, и вышел вон, где пробыл довольно времени, как бы для нужды, чтоб брат между тем успел убрать вещи. Возвратись же к нему после сего, начал он говорить о другом; и не обличил брата. Чрез несколько дней узнаны были у него вещи старце вы, и его взяли и посадили под стражу. Старец ничего о том не знал; но услышав, что брат в темнице, и не зная, за что он в темнице, пришел ко мне, – говорит игумен, ибо он учащал к нам, – и просил: «Сделай милость, дай мне несколько яиц и немного чистых хлебцев». Я говорю ему: «Верно, у тебя ныне есть кто?» – «Да», – ответил старец; взял же это он для того, чтобы пойти в темницу и утешить брата. Лишь только вошел он в темницу,

как брат падает ему в ноги и говорит: «За тебя я здесь, авва, потому что это я украл твои вещи; но книга твоя у того-то, одежда же у того-то». Старец говорит ему: «Да удостоверится сердце твое, сын мой, что я не ради того пришел сюда; я даже не знал, что ты здесь за меня; но услышав, что ты здесь, я опечалился и пришел утешить тебя; вот, смотри, яйца и чистые хлебцы. Теперь же пойду и сделаю все, пока извлеку тебя отсюда». Пошел и попросил некоторых из начальственных лиц, кои знали его ради добродетели его; и они послали выпустить брата из темницы».

Собеседование тридцать первое

Рассказывали еще о том же старце, что однажды пошел он на рынок купить себе одежду. Купил и отдал одну златицу. Оставалось ему приплатить еще несколько мелкими монетами. Он взял одежду и положил под себя и стал отсчитывать мелочь на дощечку. Тут кто-то подошел и пробовал вытащить из-под него одежду. Ощутив это, старец понял, что это значило, и, жалея о трудящемся, стал понемногу приподниматься, как бы потягиваясь с монетою, пока тот вытащил одежду, и ушел; и старец не обличил его. После сего блаженный Зосима сказал: «Чего стоила эта одежда его или те, украденные у него, вещи? Но сколь высокоценно произволение его! Он показал, что, имея их, он был таков, как бы ничего не имел. Когда их похищали, он оставался таким же, не скорбя о том и не раздражаясь за то; ибо как я всегда говорю, не то вредит, чтоб иметь, но иметь с пристрастием. Старец сей хотя бы весь мир имел, был бы таков, как бы ничего не имел; ибо тем, что он сделал, показал, что свободен от всего.

Восподвизаемся же, брате, и мы подражать примерам святых отцев и ревностно исполнять словеса их, чтоб исполнясь здесь плодов благих, сподобиться и вечных благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава и держава со Отцем и Святым

Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

---

buditeli.info © 2017